

### ХІІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

в положение маргиналов, и новые «нигилистические» ценности, предлагаемые разночинцами, для них были близки и понятны<sup>5</sup>

Подводя итоги, можно сказать, что решающее влияние на процесс формирования нигилизма как субкультуры оказали масштабные социально-политические перемены, ознаменовавшие начало перехода России к капитализму. В сложившейся культурной обстановке для представителей разночинной интеллигенции отрицание старых, признанных ценностей и выдвижение новых было формой самоутверждения, для дворян – способом отмежеваться от эксплуататорской социальной роли своего класса.

1. Паперно, И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. – М., 1996. – С.10.
2. Скабичевский, А.М. Литературные воспоминания / А.М. Скабичевский. – М., 2002. – С.149.
3. Пантелеев, Л.Ф. Воспоминания / Л.Ф. Пантелеев. – М., 1958. – С.165.
4. Водовозова, Е.Н. На заре жизни. В 2 т. / Е.Н. Водовозова. Т.2. – М., 1987. – С.45.
5. Живов, В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции / В.М. Живов // Новое литературное обозрение. – № 37. – М., 1999. – С.34.

### КРИЗИС ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

*Мраморнов Александр Игоревич*

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Эпоха начала XX в. по логике исторического развития страны должна была принести обновление во многие отрасли общественной, государственной, духовной жизни. К несчастью, история распорядилась так, что получившееся слишком радикальным обновлением на деле привело в 1917 г. и в последующий период к необратимому слому прежней структуры общественных отношений и управления. Между тем и в годы, предшествовавшие первой русской революции, во время нее и в особенности – в «третьеиюньский» период шли поиски путей мирного решения накопившихся проблем. Сказанное прекрасно видно на примере системы православного духовного образования и ее центрального звена – семинарий.

До сих пор вопрос о кризисе духовной школы конца XIX – начала XX в., его причинах, сущности и намеченных современниками путей его преодоления остается малоизученным. Автором доклада лишь недавно предпринята попытка разобрать перечисленные вопросы на примере важнейших источни-

ков, относящихся к российской духовной школе в целом, а также на материалах конкретной семинарии – саратовской. Дальнейшая рефлексия над представленным в вышедшей в этом году монографии<sup>1</sup> материалами, а также продолжение работы с источниками позволяют говорить о сущности кризиса и путях выхода из него следующее.

С момента учреждения православных духовных семинарий при Петре I в их функциях было заложено противоречие, со временем ставшее достаточно заметным, а в эпоху великих реформ уже довольно ощутимо давшее о себе знать. С одной стороны, духовные школы готовили будущих священнослужителей, с другой – давали образование детям уже служащего духовенства, которые совсем не обязательно желали пойти по стопам отцов.

Кризис семинарий начала XX в. был обусловлен не только этим давним противоречием, но и фактически подготовлен политикой по отношению к Церкви обер-прокурора К.П. Победоносцева. В начале 1880-х гг. была намечена и осуществлена реформа духовных академий, которая, как показала Н.Ю. Сухова, готовилась в течение достаточно длительного времени<sup>2</sup>. Что же касается «реформы» семинарий, которую по аналогии с другими мерами правительства Александра III можно назвать принятым в историографии термином «контрреформа», то она была проведена поспешно, вслед за академической (по принципу «академии реформировали – реформируем и семинарии»). Комиссии, разработавшей семинарский Устав 1884 г., отвели на работу менее месяца. Устав упразднял выборность преподавательской корпорации, ректора и инспектора семинарии. Учебные программы, предусмотренные Уставом, пришлось корректировать уже через два года после его утверждения. Тогда же, в 1886 г. бывшие бурсацкие протесты приобрели совершенно новую форму, и дело дошло до физического насилия: в тифлисской семинарии ректор протоиерей Чудиешский был убит воспитанником Лагиевым.

Через волнений не случайно, на наш взгляд, совпала с принятием нового Устава, который постепенно «обрастал» многочисленными подзаконными актами (циркулярами, синодальными указами, журналами, инструкциями). Это принятие было лишь конкретным осязаемым проявлением процесса победоносцевского забюрократизирования «ведомства православного исповедания», которое на деле оборачивалось замалчиванием, игнорированием реальных проблем Церкви, в том числе духовного образования.

Получалось, что над Церковью довлела мощная бюрократическая система в виде обер-прокуратуры, но именно системного подхода к ее проблемам не было. Проявлением невозможности в рамках существующего управления духовно-учебными заведениями решить их насущные проблемы стал перманентный кризис семинарий, имевший место в первые годы XX в. Показателем кризиса управления духовной школой стала иницииро-

## ХІІІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ванная Победоносцевым работа комиссии по пересмотру Устава 1884 г. Будучи учрежденной в 1896 г., комиссия работала почти 10 лет (sic!), но Устав так и не был пересмотрен. Ограничились частными мерами, например новыми изменениями в учебных планах.

На фоне затяжной и, в конечном итоге, неудавшейся реформы с 1900 г. возникает всероссийское движение воспитанников, которое автором этих строк предложено называть «антисеминарским». Оно было связано с нежеланием значительной части детей духовенства готовиться к принятию священного сана, то есть со стремлением обучаться в светской школе. При этом оно было фактически направлено против самой идеи семинарского (духовного) образования.

Время революции 1905-1907 гг. – это кульминация антисеминарского движения. Доходило до массового закрытия духовных школ. Оппозиционно настроенные семинаристы вливались в революционное движение, смогли провести несколько всероссийских «семинарских» съездов. Продолжилось физическое сопротивление наставникам: в течение первого десятилетия XX в. произошел целый ряд убийств воспитанниками своих учителей (последним стало убийство инспектора Целебровского в саратовской семинарии).

Что же касается педагогов духовных школ, то они, в отличие от своих подопечных и многих других корпораций и социальных групп России, так и не сумели объединиться при «старом режиме». Лишь в мае революционного 1917 г. они собрались на свой первый и единственный в истории съезд.

Пути выхода из кризиса были намечены в период первой русской революции. Многие предлагали отделить собственно духовную школу от гимназии «для духовных». Практических мер для этого, правда, сделано не было. Но межреволюционный Синод нельзя упрекнуть в полном бездействии в духовно-учебной сфере. Большое внимание уделялось воспитательной «части» семинарий. Накануне Первой мировой войны был введен институт классных воспитателей. Даже небольшое уменьшение численности учащихся в некоторых семинариях межреволюционного периода помогало стабилизировать обстановку в них. И, возможно, они бы и пошли по пути превращения в достаточно престижные, даже «элитарные» учебные заведения. Но исторического времени не хватило. Решения духовно-учебного съезда и Поместного собора 1917 – 1918 гг. лишь только начали проводиться в жизнь, но в большинстве своем остались невыполненными. К началу 1918/1919 учебного года старая духовная школа почти повсеместно прекратила свое существование.

---

1. Мраморнов, А.И. Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (На саратовских материалах) / А.И. Мраморнов. – Саратов, 2007.

2. Сухова, Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века) / Н.Ю. Сухова. – М., 2006. – С. 3.

## **РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ СОБРАНИЯ (ПЕТЕРБУРГ, 1901-1903 ГГ.)**

*Воеводина Анастасия Анатольевна*

**Самарский государственный университет**

Религиозно-философские собрания в Петербурге (1901-1903 гг.) по выражению В.В. Зеньковского, «были первым проявлением нового духовного сдвига, происходившего у русских мыслителей» в начале XX века<sup>1</sup>. Собрания отражали, с одной стороны, интерес части интеллигенции к религиозным проблемам, с другой – стремление к обновлению церкви, наметившееся в среде православного духовенства в указанное время. В Религиозно-философских собраниях принимали участие представители духовной и светской общественности: епископ Ямбургский Сергей (Старгородский) – председатель, архимандрит Сергей (Тихомиров) – вице-председатель, В.М. Скворцов, М.А. Новоселов, А.В. Карташев, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, В.А. Тернавцев, Н.М. Минский, В.В. Розанов, П.П. Перцов, С.П. Дягилев, и др.

Целью этих бесед был возможный союз «церкви» и «мира», объединение «религиозной общественности», которое проповедовали инициаторы Собраний Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус<sup>2</sup>. Едва ли не впервые встретившись лицом к лицу, представители светской и духовной общественности обсуждали многие насущные проблемы российской действительности, прежде всего вопросы взаимоотношения церкви с государством и обществом. «Христианство, его данное и (потенциально) должное, его воплощение в мире, в истории, в человечестве – вот главная тема Религиозно-Философских Собраний», – писала З.Н. Гиппиус<sup>3</sup>.

Уже на первом заседании, в докладе В.А. Тернавцева «Русская Церковь перед великой задачей», была определена центральная проблематика Собраний. Основная идея доклада заключалась в утверждении, что русская Церковь «поставлена перед лицом великой задачи» – раскрыть «сокровенную» в христианстве «правду о земле»<sup>4</sup>. По мысли З.Н. Гиппиус, доклад В.А. Тернавцева был обращен к Церкви с вопросом «о ее позиции общественной» и «поставил, таким образом, тему всех дальнейших заседаний: вопрос о христианстве, об отношении его к жизни человека и человеческого общества»<sup>5</sup>. На том же заседании фактически была определена и позиция церкви по этому вопросу, когда епископ Сергей заметил следующее: «Я не согласен, чтобы Церкви необходимо было переменять фронт, поставить